

18+

Леонтий Шергин

ОШМЕТКИ БОГОВ

Остросюжетная повесть

Леонтий Шергин

Ошметки богов.

Остросюжетная повесть

«Издательские решения»

Шергин Л.

Ошметки богов. Остросюжетная повесть / Л. Шергин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963410-8

Остросюжетная эпатажная повесть о том, что было бы, могло бы быть, а могло бы не быть, если бы звезды «легли» иначе. О жизни, борьбе и любви.

ISBN 978-5-44-963410-8

© Шергин Л.
© Издательские решения

Содержание

«Сотворим человека по образу нашему	6
Вступление	7
Зов Родины	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ошметки богов

Остросюжетная повесть

Леонтий Шергин

© Леонтий Шергин, 2019

ISBN 978-5-4496-3410-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«И рече Боже:

«Сотворим человека по образу нашему

и подобию нашему»

**«Сотворим человека по образу нашему и подобию
нашему»**

(Бытие, гл.1, ст.26)

**«Создан я, как сказано, по образу и подобию Божьему,
Почто же обращают меня во зверя и скота,
и нем Господь?»**

(М. Горький. Лето)

Вступление

За околицей большого старинного старообрядческого села, на фоне деревянной церквушки, за пряслами, перекрывающими единственную улицу поселения, на поляне, кружком, располагается большая толпа молодежи. Мал мала меньше. В середине горит костёр. Вокруг кусты ивы и, до самого горизонта, снопы ржи.

Немного в стороне, несколько девушек, поглядывая в сторону костра, плетут, из стеблей ржи, венки, напевая:

– То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То моё сердечко стонет,
Как осенний лист шумит....

На лужайке, около дороги, толпятся человек пятнадцать – двадцать парней, лет от восьми до шестнадцати, одетых в белые подпоясанные ремешками рубахи и лапти. На голове – тканевые фуражки. Они с интересом рассматривают диковинку – велосипед, выпуска сорокового года. Осторожно трогают спицы, крутят педали, приподняв заднее колесо, похлопывают по седлу, дергают за багажник, за руль, оживленно обсуждают достоинства и недостатки этого чуда человеческой изобретательности. Некоторые пытаются прокатиться, но тут же, общий смех, падают

Рядом с девушками, в кустах ивы, среди высоких трав, яростно обнимаются и целуются двое. ИВАН, парень лет восемнадцати и девушка, Варя. Иван пытается взять Варю за грудь, но Варя с силой перекладывает его руку на свою шею, он настойчиво скользит ладонью по груди и опускает руку, вниз, к юбке, но она упорно подымает её на плечи и впиается своими губами, в его губы. Наконец, она позволяет положить руку на грудь и, буквально захлебываясь, в приступе страсти, отрывается. Охая, отталкивает Ивана и убегает в сторону девчат.

У костра, вальяжно развалясь на подстилке из соломы, полулежат четверо почти взрослых, лет по восемнадцать – девятнадцать, парней, одетых в белые подпоясанные ремешками рубахи, сапоги и фуражки с лайковыми, блестящими козырьками. Иван, выйдя из кустов, подходит к ним. Парни, без слов, но, ухмыляясь, подвигаются, освобождая место для него, на лежанке из соломы. Помолчав, они с серьезными лицами, покусывая соломинки, продолжают обсуждение вероятного, само – собой победоносного, исхода очередной войны с «германцем». Последний выступающий замолкает на пол – слове и глядит в сторону улицы. Там, слышится чьё-то чертыханье и ворчание.

– Кого, это, на ночь глядя, еще черти принесли? Не к добру это!

К костру, открыв и аккуратно, прикрыв обратно, ворота прясел, нерешительно подходит, прихрамывая, писарь сельсовета. Стоит, смотрит, блестя круглыми очками на всех, молчит, переминается. Песня обрывается. Тишина нависает над поляной. Все смотрят в сторону писаря, в ожидании, что он скажет.... По выражению лиц видно, что ничего хорошего, от его слов, не кто не ждет. Писарь снимает с себя измятую кепку, вытирает пот со лба, вздыхает и, с решительным видом, машет зажатым в руках головным убором, говорит, высоким голосом сельского оратора, но заикаясь, говорит:

– Ребя...! Это.... Был нарочный..., с военкомата.... Председатель сказал, чтоб весь народ..., утра..., в шесть, собрался у сельсовета. Кто не придет – того под трибунал.... Всем понятно или что, кому, ещё...?!

Писарь, еще более заметно прихрамывая, разворачивается и ковыляет в сторону улицы из больших темных от времени, высоких домов, с уже засветившимися подслеповато, где керосиновыми лампами, где лучиной маленькими окнами.

Девчата и парни, не обращая уже никакого внимания на велосипед, подошли ближе к костру. Сидящие у костра, встали. Варя, отряхиваясь от прилипших, к одежде, листьев, выходит из кустов, поглядывая на Иванышу.

– Да, дела мужики...! Похоже в серьез, этот раз, нас немец достал, если и до нас Красная Армия добралась...!

Давайте по домам! Кабы, завтра, не до плясок с танцами, было.... Посмотрим, что скажут? Может и обойдется.... Всё-таки, говорят, что «...танки наши быстры... и... броня наша крепка».

Все молча пошли в сторону улицы: девушки с венками, за ними парни. Несколько человек тушат костер, прикрывают прясла и догоняют уходящих.

Пройдя, под ручку, по улице несколько десятков метров, девчата снова затягивают сначала недопетую песню.

– То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То моё сердечко стонет,
Как осенний лист шумит....

Варя постоянно оглядывается назад, чтобы поймать взгляд Ивана.

Иван с чувством гордости, что такая девушка заглядывается на него, пытается убыстрить шаг, чтобы быть поближе к ней, но толпа парней, не обращая внимания на его состояние, не спешит за ним и он теряется среди попутчиков.

В окна домов выглядывают любопытные соседи, качают головами и задерживают занавески.

Слышны голоса родителей, зовущих своих детей домой.

Зов Родины

Большая, хорошо утоптанная многими поколениями селян, площадь, перед двухэтажным, деревянным зданием сельсовета, которое раньше было домом местного мироеда, справно-го мужика, раскулаченного, под полупьяным настроением, членов комитета бедноты, во времена голодомора, запружена народом.

На крыльце стоят военком района, председатели сельсовета, с писарем, с тетрадками и карандашом. Председатель колхоза высовывается из окна, навалившись на подоконник. У крыльца стоят два красноармейца с винтовками и примкнутыми штыками. К кольцу столбика, поддерживающего крышу над крыльцом сельсовета, привязаны поводья фыркающей лошади, запряженной в телегу. Женщины в толпе всхлипывают и плачут. Мужчины молчаливо, насупившись, слушают, что говорит военный. Выслушав очередную тираду, они, с недоверием, не глядя друг на друга, качают головами.

Отдельно от всех стоит группа, человек сорок, парней и молодых мужчин с котомками на плечах. Все в холщевых зипунах и штанах, на ногах – лапти и обмотки. Это новобранцы. Среди них и Иван. Варя стоит среди провожающих, глядит на Ивана глазами, полными слез. Иван, тоже, не отрываясь, смотрит на Варю. Окружающие, видят такое состояние влюбленных, отодвигаются, как бы давая место для их сближения, но что-то, до последнего момента, удерживает их от этого шага.

Раздается команда военного. Новобранцы, кладут свои котомки на телегу, молча выстраиваются в колонну по два человека и двигаются, вслед за лошадью с телегой, в сторону околицы. Несколько матерей, рыдая и поглаживая своих сыновей по спине, притискиваются в колонну. Некоторые провожающие успокаивают женщин и выводят их из колонны. За колонной идут два солдата с винтовками на изготовку, следом за ними – военный с правой рукой на кобуре револьвера. В стороне, на небольшой возвышенности стоит священник, благословляет, уходящих новобранцев, крестом и шепчет, шепотом, свои молитвы. За околицей, военный переходит вперед, запрыгивает на телегу, подгоняет вожжами лошадь и колонна убыстряет шаг. Провожающие отстают, за исключением нескольких упорных матерей и отцов, тоже построившихся в подобие колонны и шагающих следом за своими детьми.

Колонна новобранцев устало подходит к воротам сборного пункта. Сборного пункта, расположенного на территории наземных складов хлебозаготовительной конторы. Ворота открываются и, подгоняемая сопровождающими солдатами, колонна сразу проходит на огражденную зону.

Провожающие, не успевают проститься и остаются за воротами, родные перекрикиваются, кто-то, снаружи, пытается заглянуть через щелочки в заборе. Всё заглушают паровозные гудки и звуки сцепок грузовых вагонов, формируемых составов.

Из калитки выходит начальник охраны и, то, размахивая руками, то, хватаясь за кобуру, командами, пытается, разогнать разношерстную толпу.

К воротам подходит следующая колонна новобранцев.

На территории сборного пункта расположены несколько зерновых сараев, переделанных в казармы и навесов для лошадей.

На плацу, между бараками, стоят шеренги новобранцев с котомками. Вдоль шеренг ходят командиры, одетые в форму Красной Армии. Идет переключка. Затем, по команде, все направляются по своим местам. Кое – кто, из новобранцев, прибывших ранее, цепко приглядываются к вновь прибывшим и, остановившись на ком – небудь в выборе, с нарочитой радостью и восклицаниями, похлопывая того по плечу, сопровождают в барак.

Несколько человек сидит, перед одним из бараков, на корточках, перекидываются в карты, и, неспешно, обсуждают какие-то новости. Около одного из бараков идет азартная игра в «орлянку».

Иваньша, с односельчанами, проходит в указанный военную военными казарму. Внутри казармы устроены деревянные нары в три этажа с металлической бочкой вместо печки с вырезанным отверстием загрузки дров и кривой трубой.

В дальнем углу помещения несколько человек, одетых, по моде тридцатых годов, в костюмы, рубашки и хромовые сапоги, играют в карты. В центре, между ними, воткнут в стол нож – финка. Тут же, рядом, люди постарше, распивают из крынок, то ли самогон, то ли брагу. Шум. Почти все курят самокрутки. В помещении синий туман от табачного дыма.

Со стороны играющих и выпивающих подходят несколько человек, прилащенного вида. Главный из них, скептически осматривает одежду и обувь пополнения. Иронически спрашивает:

– Ну, и откуда, вы, будите, родные?

Иван, как самый солидно выглядевший из вошедших, пробурчал, ожидая подвоха:

– Местные мы, тут, из села, рядом!

– Наши, значит, староверы?! Не пьёте, не курите?! Значит!

– Да, и не курим и не пьём! А, чо?!

– Да, не чо! Просто с пайка будете мне махорку отдавать.... Не пропадать же добру! А, пока, вот ваши нары, – показывает рукой, – размешайтесь. А, ты, тычет пальцем Ивана в грудь, – будешь главным. Ложись на эти нары, с краю..., чтобы быть, всегда, под рукой. Усёк?!

– Усёк!

Вновь прибывшие, с шумом и гамом, разместились по нарам. Кое-кто, развязывает свои котомки, приступает к ужину. Другие новобранцы ничком падают на голые матрасы и пытаются вздремнуть, с устатку. Иван тоже ложится, закидывает руки за голову и задумчиво смотрит на доски верхнего этажа нар.

С утра, Иваньша, со своими, товарищами, сидя на нарах, босиком и в не заправленных, в брюки, нижних рубахах, устроили импровизированный завтрак. На холщовом полужке разложены: хлеб, сало, репчатый лук и кусковой сахар из сухого пайка, кружки с водой. Вновь, с прилащенными ужимками, к ним, подходит местный самозванный главарь барака. Осматривает скудный стол. Вещает:

– Ну, чо? Паёк получили? А, где махорка? Давай, – протягивает руку в сторону Ивана, – как договаривались!

Иван собирает со своих земляков пачки махорки и передаёт главарю:

– На! Держи! Нам этого добра не надо! Ты, нам, вот, что скажи. Сколько нам здесь, еще, придется быть – то? А, то, что попало болтают, здесь.

Главарь, рассовывая пачки махорки по карманам брюк, машет рукой:

– Трудно сказать.... Начальству виднее.... Кого сразу отправляют, а кого мурыжат. Помурьжат – да, помурьжат, а, потом, обратно домой отправляют. Отлживаться на печке. Нельзя, говорят, такому, да рас такому элементу оружие доверят. Вот, как – то так. Сам, я, вот уже третью неделю, тут, кантуюсь. А, всего то, четыре года, с половиной, оттянул.... За колоски. Хотя какие у нас, на сталепрокатном, «колоски» Просто в зубы дал, на танцах, приезшему «мусору», чтобы, к моей Таньке, не приставал.

Иван, взмахом руки приглашает того к столу:

– Присаживайся. Чем богаты – тем и рады. Надо, же, как бывает! Скажи, а в город – то можно будет, как – нибуть сходить? Родственники, у меня, тут. Хотелось, бы, повидаться. Ну, и, попрощаться. А, то, черт его знает, прости меня Господи, как, еще, будет...?

– Организуем! Какой вопрос...? Если, конечно, на обратном пути самогонки или, как, тут, у вас, называется «кумышки», или бражки, на худой конец, прихватишь! А, меня, между прочим Феликсом зовут, Константиновичем. Можно, просто, Филей. Я, не обижусь.

Вечером, Феликс, вывел Ивана через одну из калиток сборного пункта, и убедившись, что часовой, вооруженный винтовкой с примкнутым штыком, надолго отвернулся, уткнувшись в забор, благословил, подопечного, похлопав по плечу.

Иваньша, выбежав на опушку тёмного леса за городом, рванул, по чуть заметной тропинке, ритмично дыша, в сторону своего села. Выбежав на опушку леса, уже со стороны родного дома, он, присев на корточки, смотрит с небольшой возвышенности на село, церковь, мельничный пруд и плотину, ищет, глазами, и находит дом Вари. Энергично вскакивает с корточек и продолжает бежать.

Подбежав к дому Вари, он, оглядывается по сторонам, перепрыгивает через забор, проходит между хозяйственных построек и подходит к темным окнам дома. Сторожевая собака подымает голову и, не почувствовав угрозы, снова засыпает. Затем, Иваньша, притаившись, еще раз прислушался к звукам, вокруг и дотянувшись до одного из окон и стучит, кончиками пальцев, по стеклу. Заглядывает в окно, пытаясь рассмотреть помещение. Видит кровать, шкаф, стул, стол, Варю, которая приподымает голову, прислушивается, и, снова, падает на подушку. После второго стука, она соскакивает с кровати и бросается к окну. Смотрит в сад и, недоверчиво, приоткрывает створку. Увидела Ивана и приглушенно «пискнув», распахивает окно, взбирается на подоконник, прыгает, в ночной рубашке, вниз.

Иван подхватывает Варю, нежно ставит на землю и пытается поцеловать Варю, но она отталкивает его, и они бегут к забору.

У забора, оба, приседают на корточки и прислушиваются, не подняли ли они переполох. Успокоившись, они слились в страстном долгом поцелуе. Потом еще раз, потом еще.... Варя отстраняет Ивана, прислушивается и, схватив его за руку, тянет в сторону сеновала. Иван, в возбуждении, следует за ней.

Сторожевая собака подымает голову, смотрит в сторону сада, сонно подлаивает пару раз, но, опять, не почувствовав угрозы, снова продолжает дремать.

Варя и Иван взбираются по лестнице на сеновал под крышей, падают на сено и, продолжая целоваться, сливаются в объятиях друг друга. Несколько раз они прекращают поцелуи, приподымают головы, прислушиваются и, вновь, с яростью, бросаются в объятия, поцелуи и ласки. Иван, в возбуждении, пытается дотянуться до подола нижней рубахи Вари, но она каждый раз не позволяет ему это сделать.

Наконец Иван опускает руку и подымает подол ночной рубашки, гладит ягодицы, ноги, грудь Вари. Варя, не отталкивая его руку, задыхается от ласк Ивана. Почувствовав, отсутствие сопротивления, Иван ложиться на Веру, лихорадочно спускает с себя штаны, и, нащупав влагище, пытается вставить, руками, свой член. Поскольку попытка, с первого раза, не удалась, говорит, задыхаясь в порыве страсти:

– Помоги! Не получается.

Варя, в полусознательном состоянии, приподымает до груди ночную рубашку и, почувствовав голыми ягодицами сено, берет член Ивана и направляет его к себе. Иван с воодушевлением принимает дар, вводит свой член и ритмично двигается до завершения акта. Варя, стонет от боли, но обнимает и прижимает Ивана к себе. Затем, они долго лежат, не шевелясь и молча, пытаются осмыслить свершившееся. Иван перекачивается на спину, приподнимается на локте, наклоняется над Варей и они, вновь и вновь, сливаются в долгих поцелуях. Иван ласкает, нежно гладит груди и живот Вари. Она обнимает Ивана за шею, не в силах оторваться.

Уже утром, когда рассвело, на территории сборного пункта, с вышками по углам обнесённой, забором, территории при распахнутых входных и открытых железнодорожных воро-

тах, на железнодорожных путях стоит маневровый паровозик и, с десятков небольших вагонов – теплушек, с открытыми полотнами откатных дверей.

На площади перед теплушками стоят, отдельными рядами, по двое, новобранцы. В воротах появляется запыхавшийся Иван с узелком в руках. С недоумением смотрит на распахнутые ворота и выстроившихся коллег.

Из одной из колонн выскакивает Феликс, с двумя котомками, подбегает к Ивану, хватается за рукав и тащит, его, за собой к командиру, уже зачитывающему приказ.

– Гражданин начальник...! Тьфу, ты на тебя, Господи помилуй.... Товарищ командир! Вот он..., не какой не дезертир! Понос у него и глухота на оба уха напала...! А, так, вот он....

Военный, молча, критически осматривает Ивана с узелком в руке и завернутой, в тряпицу, крынку, смотрит на широко улыбающегося, блестя фиксами, Арсения, и, недовольно двигая желваками, машет Иваныше, рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.